

Тургенев Иван Сергеевич

**Записки охотника: полное
собрание очерков и
рассказов, 1847-1876**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Записки охотника: полное собрание очерков и рассказов, 1847-1876 / Тургенев
Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 230 с.

ISBN 978-5-519-77982-1

ISBN 978-5-519-77982-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И. С. ТУРГЕНЕВ

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

Полное собрание очерков и рассказов

1847—1876

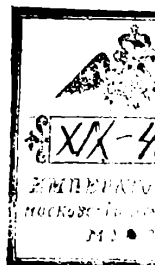
Со вступительным очерком Б. Эйхенбаума.

Литературно-Издательский Отдел
Комиссариата Народного Просвещения.

Петроград

1918

Все сочинения И. С. Тургенева монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Президентский Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Вступительный очерк.

В 1847 году в первой книге журнала „Современник“ появился небольшой рассказ „Хорь и Калиныч“, подписанный буквами Т. Л. Во второй книге напечатан был рассказ того же автора „Пётр Петрович Каратаев“; в следующих книгах „Современника“—ряд таких же небольших вещей, объединённых общей рамкой—странствиями помещика-охотника по лугам, лесам и сёлам. Рассказы эти печатались в „Современнике“ в течение нескольких лет (1848, 1849, 1850 и 1851), а в 1852 году они вышли отдельным изданием под общим заглавием—„Записки охотника“. Автором их был молодой тогда писатель (родился в 1818 г.)—Иван Сергеевич Тургенев. После этих новелл Тургенев писал много рассказов, повестей и романов, сделавших его имя известным не только в России, но и на Западе. В конце жизни (в 70-ых годах) он возвращается к ранним своим вещам и дополняет первое издание „Записок охотника“ новыми вещами—„Конец Чертопханова“, „Живые мощи“ и „Стучит“.

Материалом для своих рассказов Тургенев взял русскую деревню с её природой и её людьми. В художественной литературе того времени, не только русской, но и западной, появляется стремление к изображению простой, естественной жизни, простых людей, простой природы. Литература, пережив эпоху напыщенности и утончённости, стремится к „опрощению“. Сельские романы и повести французской писательницы Жорж Санд совпадают с „Записками охотника“ Тургенева—недаром он ещё в самом начале своей деятельности увлекался её произведениями и всегда говорил о ней с восторгом. На русской почве это литературное направление получило, конечно, особый оттенок—покаяния перед забитым крепостным мужиком. Отсюда—часто у Тургенева противопоставление жестоких помещиков и несчастных, без-

ответных русских крестьян. Но это только оттенок, не так уж резко выступающий в „Записках охотника“. Как художественное произведение—„Записки охотника“ вдохновлены не идеей раскрепощения самой по себе и не этим держится эта книга и остаётся живой до наших дней. Иные новеллы (как „Уездный лекарь“, „Мой сосед Радилов“, „Конец Чертопханова“, „Живые мощи“ и др.) совсем не связаны с крепостничеством, в других—крепостничество служит только фоном, на котором выделяются характерные русские черты. Общая картина сельской Руси, с её загадочными людьми, хранящими какую-то свою мудрость, то деловитыми и хозяйственными, то беспечными и мечтательными, с её загадочными просторами и шумом лесов—всё это вместе, сплетаясь в одну нераздельную ткань, составляет содержание „Записок охотника“. Русская жизнь и русский человек—одна из животрепещущих тогда тем. Тургенев часто говорит об этом и в письмах, и в статьях: „Мы народ не только европейский (пишет он в 1842 г.); мы не даром поставлены посредниками между Востоком и Западом; не даром наши границы касаются древней Европы, Китая и Северной Америки, трех самых различных выражений общества“. Русский крестьянин для Тургенева—настоящий русский человек, сохранивший свои особенности в чистоте. Характерно, что первым рассказом был именно „Хорь и Калиныч“, где поставлены рядом два начала, два основных типа—европейский (Хорь—„человек положительный, практический, административная голова, рационалист“) и восточный, созерцательный (Калиныч „принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных“). И то и другое осложнено чисто-русскими особенностями: Хорь, несмотря на свою деловитость, не знает грамоты и, повидимому, не очень склонен учить своих детей, тогда как Калинычу—„шалопая“ грамота далась. Характерно ещё, что в связи с изображением Хоря и Калиныча Тургенев определяет русского человека вообще: „Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперёд. Что хорошо—то ему и нравится, что разумно—того ему и подавай, а откуда оно идёт,—ему всё равно“.

Тургенев, в качестве охотника, бродит по лугам и лесам—такова рамка „Записок охотника“. Впечатления, таким образом, как бы сами собой нанизываются одно на другое—нет заботы о сюжете, нет необходимости в строгом порядке, в определённом построении и развитии. При непрерывном внешнем движении (скитания охотника)—внутренняя неподвижность: картина сельской Руси. Такая рамка удобна художнику,

если его задача — рассказывать не о событиях, а о людях. Так и Гоголь заставляет Чичикова в „Мёртвых душах“ ездить по помещикам, чтобы развернуть перед нами целый ряд фигур. Охотничество у Тургенева имеет и более глубокую, внутреннюю связь с духом этих новелл. В своей статье о „Записках ружейного охотника“ С. Аксакова, вышедших тогда же (1852 г.), Тургенев сам как бы объясняет смысл этой связи: „Вообще, охота свойственна русскому человеку: дайте мужику ружьё, хоть верёвками связанное, да горсточку пороху, и пойдёт он бродить, в одних лаптишках, по болотам да по лесам, с утра до вечера... Этой общей, повсюду распространённой страсти русского, — страсти, сокровеннейшие корни которой, быть может, следует искать в самом его полу-восточном происхождении и первоначальных, кочующих привычках, — как нельзя более соответствует книга г. А—ва“ и книга Тургенева, прибавим мы от себя. Недаром Тургенева всё время сопровождает такой полу-восточный „кочевник“ Ермолай — тоже страстный охотник: „беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду; сильно любил выпить, не уживался на месте, на ходу шмыгал ногами и переваливался с боку на бок, — и, шмыгая и переваливаясь, улепётывал вёрст пятьдесят в сутки“.

Кроме этой рамки есть ещё нечто общее, проходящее через все новеллы и сообщающее им особенное настроение — картины русской природы и передача чувств, возбуждаемых ею в душе охотника. В указанной выше статье об Аксакове Тургенев говорит: „Человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячью неразрывных нитей; он сын её“. При этом он осуждает „ложную манеру“ изображать природу через сравнение с человеческими душевными движениями; „везде видишь автора вместо природы, а человек только и силен тогда, когда он на неё опирается... несравненно легче сказать горам, что они „побеги праха к небесам“, утёсу — что он „хохочет“, молнии, — что она „фосфорическая змея“, чем поэтически ясно передать нам величавость утёса над морем, спокойную громадность гор или резкую вспышку молнии... И оно понятно: ничего не может быть труднее человеку, как отделиться от самого себя и вдуматься в явления природы“. Поэтому Тургенев восторгается ясными и простыми описаниями природы у Аксакова. Однако, его собственные картины природы производят другое впечатление. Он как будто о себе говорит в той же статье: „бывают тонко-развитые, нервические, раздражительно-поэтические личности, которые обладают каким-то особенным воззрением на природу, особенным чутьём её красот; они подмечают многие

оттенки, многие часто почти неуловимые частности, и им удаётся выразить их иногда чрезвычайно счастливо, метко и грациозно; правда, большие линии картины от них либо ускользают, либо они не имеют довольно силы, чтобы схватить и удержать их. Про них можно сказать, что им более всего доступен запах красоты, и слова их душисты". Тут он понимает, как видно из дальнейшего, „вкрадчивые стихи" Тютчева и Фета. Так же вкрадчивы и богаты оттенками пейзажи самого Тургенева. Аксаков никогда бы не написал: „Река катила тёмносиние волны; воздух густел, отягчённый ночной влагой". Зато у Тютчева есть близкое к этому выражение: „Тогда густеет ночь, как хаос на водах". Часто схватываются мелкие подробности—„неуловимые частности", которые тоже не в духе Аксакова: „Возле небольшой сажалки, наполненной красноватой и слизистой водой, виднелся колодезь, окружённый лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли в этих лужицах; собака, дрожа всем телом и жмурясь, грызла кость на поляне, пегая корова тут же лениво щипала траву, изредка закидывая хвост на худую спину". Иногда Тургенев от такой частности переходит сразу к широкой картине—так особенно бывает в заключении: „Собаки с преувеличенной быстротой вертели хвостами в ожидании овсянки; лошади топали и ржали под навесом... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу всё мельче и мельче, словно вымытая, расчёсанная волна... На селе раздавались песни („Льгов)". Особенно „вкрадчивы" у Тургенева ночные пейзажи—тут сказывается его родство с „тонко-развитыми, нервическими, раздражительно-поэтическими личностями", которым недоступна уравновешенная манера Аксакова. Так в „Бежином луге": „Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах—запах русской летней ночи... Все смолкли. Вдруг где-то в отдалении раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая". Вместо „ложной манеры" напыщенных сравнений Тургенев употребляет другой приём—его сравнения, иногда очень многочисленные, отличаются особенной простотой: „По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака, изжелта-белые, как весенний запоздалый снег, плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса. Их узорчатые края, пушистые и легкие, как хлопчатая бумага, медленно, но видимо

изменялись с каждым мгновением: они таяли, эти облака, и от них не падало тени" („Касьян с Красивой-Мечи“).

Охота и природа—вот общая канва „Записок охотника“. Каждый рассказ—своего рода картинка, с заставкой и концовкой; отдельные фигуры медленно выступают из этого общего фона и медленно исчезают в широком просторе русских полей. Заставкой обычно служит пейзаж, концовка часто передаёт настроение рассказчика при помощи каких-нибудь отдельных впечатлений или даже маленьких сцен, как переключка мальчиков в „Певцах“. Новеллы следуют одна за другой, как непринуждённый рассказ охотника о своих встречах и впечатлениях. Событий никаких нет, но зато всё время сохраняется личный тон рассказчика, придающий повествованию лирическую, душевную окраску. Автор или рассказывает сам, или передаёт слышанный им разговор или воспроизводит рассказ другого лица—этими тремя формами определяется построение новелл. Автор присутствует всё время—или как действующее, или как слушающее лицо. Часто он прямо обращается к читателю, как бы действительно рассказывая ему: „Вечером мы с охотником Ермолаем отправились на „тягу“. . . Но, может-быть, не все мои читатели знают, что такое тяга. Слушайте же, господа“. Постоянно встречаются фразы вроде—„я должен вас сперва познакомить“, „надобно сказать читателю“, „прошу позволения читателя представить ему этого человека“, „довожу теперь его рассказ до сведения благосклонного читателя“ и т. д. В каждой новелле автор так или иначе участвует: в „Хоре и Калиныче“, „Малиновой воде“, „Льгове“ он—собеседник, в „Ермолае и мельничихе“, „Бежином луге“ он слушает со стороны, в „Уездном лекаре“, „Однодворце Овсянникове“, „Гамлете Щигровского уезда“ он выслушивает обращённый к нему рассказ. Получаются разные типы новелл: в одних много места отведено впечатлениям самого рассказчика, в других больше развиты формы беседы (диалог), в третьих мы, вместе с автором, слушаем рассказ другого лица. Тем самым получаются три способа характеристики: либо характер даётся сразу, описывается автором извне (так—Ермолай), либо он выясняется постепенно из рассказа о себе, либо, наконец, из разговора. Характерно, что Тургеневу приходится иногда, чтобы сохранить общее построение, прибегать к условности: вводить себя, как случайно присутствующего при разговоре (так в „Бежином луге“, „Свидании“). Таким образом, „Записки охотника“ задуманы, как особый тип сборника новелл: бытовые картинки, вставленные в лирическую рамку.

Главные характеры задуманы в „Записках охотника“ так, что они более или менее продолжают начальное противопоставление Хоря и Калиныча, как двух основ русской души. С одной стороны—деловитые, упрямые и угрюмые или даже жестокие скопидомы и крепостники, с другой—мечтатели, созерцатели, неудачники, чудаки, юродивые или почти святые, как Лукерья в „Живых мощах“. Даже в детях Тургенев изображает наклонность к тому или другому типу: в „Бежином луге“ Федя и Павлуша—характеры, из которых должны выработаться люди дела, спокойные и уверенные, Ильяша и Костя—задумчивые мечтатели, склонные к суеверию, будущие Калинычи и Касьяны. У Кости были „чёрные, жидким блеском блестящие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке—на его языке по крайней мере,—не было слов“. То же противопоставление заметно и в „Певцах“: рядчик, пение которого отличается всевозможными внешними украшениями, завитушками, смелыми переходами, и Яшка, в пении которого звучит „русская, правдивая, горячая душа“ . . . „Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль“. С этой точки зрения характерно и сочетание самого рассказчика—наблюдателя с беспечным бродягой Ермолаем. Так, на фоне широких русских полей и бесконечных лесов, проходят перед нами русские люди—то спокойные, прикрепленные к своему делу, домовитые и разумные, то бродячие, задумчивые, таинственные, загадочные и тёмные, но ищущие правду и по-своему мудрые. Лукерья, позднее создание Тургенева („Живые мощи“), возносится над ними, как уже познавшая настоящую истину и просветлевшая. Всё вместе создаёт одну обширную, несколько тревожную и таинственную, картину русской жизни и русской души.

Б. Эйхенбаум.

ХОРЬ и КАЛИНЫЧ.

Кому случалось изъ Болховскаго уезда перебираться въ Жиздринскій, того, вероятно, поражала резкая разни́ца между породой людей въ Орловской губернии и калужской породой. Орловскій мужик невеликъ ростом, сутуловатъ, угрюмъ, глядит исподлобья, живёт въ дрянныхъ осиновыхъ избѣнкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, естъ плохо, носитъ лапти; калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смело и весело, лицомъ чистъ и белъ, торгуетъ масломъ и дѣтjem и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ. Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханыхъ полей, близъ оврага, кое-какъ превращённаго въ грязный прудъ. Кроме немногихъ разитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ-трѣхъ тощихъ берѣзъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лепится къ избѣ, крыши закиданы гнилою соломой. . . Калужская деревня, напротивъ, большею частью окружена лесомъ; избы стоятъ вольней и причей, крыты тѣсомъ; ворота плотно

запираются, плетень на задворкѣ не разметанъ и не вывалился наружу, не зовётъ въ гости всякую прохожую свинью. . . И для охотника въ Калужской губернии лучше. Въ Орловской губернии послѣдніе леса и площади*) исчезнутъ летъ черезъ пять, а болото и въ поминѣ нѣтъ, въ Калужской, напротивъ, засеки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица—тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунды куропатка своимъ порывистымъ лѣтѣмъ веселятъ и пугаютъ стрѣлку и собаку.

Въ качествѣ охотника посещая Жиздринскій уездъ, сошѣлся я въ поле и познакомился съ однимъ калужскимъ мелкимъ помещикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, следовательно, отличнымъ человекомъ. Водились за нимъ, правда, некоторые слабости: онъ, напримеръ, сватался за всехъ богатыхъ невестъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руны и отъ дому, съ сокрущённымъ сердцемъ доверялъ свое горе всемъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невестъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другіе сырые

*) „Площадями“ называются въ Орловской губерніи большіе сплошные массы кустовъ; орловское наречіе отличается вообще множествомъ своеобразныхъ, иногда весьма меткихъ, иногда довольно безобразныхъ, словъ и оборотовъ.

произведения своего сада; любил повторять один и тот же анекдот, который, несмотря на уважение г-на Полутыкина к его достоинствам, решительно никогда никого не смешил; хвалил сочинения Акима Нахлмова и повесть *Динну*; заикался; называл свою собаку Астрономом; вместо *однако* говорил *одначе*, и завёл у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по почитаниям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого купанья: мясо у этого искусника отзвучалось рыбой, рыба—грибами, макароны—порохом; за то ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции. Но за исключением этих немногих и незначительных недостатков, г-н Полутыкин был, как уже сказано, отличный человек.

В первый же день моего знакомства с г. Полутыкиным, он пригласил меня на ночь к себе.

— До меня вёрст пять будет,—прибавил он:—пешком идти далеко; зайдёте сперва к Хорю. (Читатель позволит мне не передавать его заиканья).

— А кто такой Хорь?

— А мой мужик... Он отсюда близенько.

Мы отправились к нему. Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла из нескольких сосновых срубов, соединённых заборами; перед главной избой тянулся навес, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Нас встретил молодой парень, лет двадцати, высокий и красивый.

— А, Федя! дома Хорь?—спросил его г-н Полутыкин.

— Нет. Хорь в город уехал—отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов.—Тележку заложить прикажете?

— Да, брат, тележку. Да принеся нам квасу.

Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не закрывала чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжёлым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между брёвнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов. Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом, с огромным ломтем пшеничного хлеба и с дюжиной солёных огурцов в деревянной миске. Он поставил все эти припасы на стол, прислонился к двери и начал с улыбкой на нас поглядывать. Не успели мы доесть нашей закуски, как уже телега застучала перед крыльцом. Мы вышли. Маленький лет пятнадцати, кудрявый и краснощёкий, сидел вучером и с трудом удерживал сытого пегого жеребца. Вкруг телеги стояло человек шесть молодых великанов, очень похожих друг на друга и на Фодю.— „Всё дети Хоря!“ заметил Полутыкин.— „Всё Хорьки“, подхватил Федя, который вышел вслед за нами на крыльцо: „да ещё не всё: Потап в лесу, а Сидор уехал со старым Хорём в город... Смотри-же, Вася“, продолжал он, обращаясь к кучеру:—„духом сомчи: барика весить. Только на толчках-то, смотри, потише: и телегу-то испортишь, да и барское черево обеспокоишь!“—Остальные Хорьки усмехнулись от выходки Федя.—„Подсадить Астронома!“ торжественно воскликнул г-н Полутыкин. Федя, не без удовольствия, поднял на воздух принужденно улыбающуюся собаку и положил её на дно телеги. Вася дал возжи лошади. Мы покатали.—„А вот это моя контора“, сказал мне вдруг г-н Полутыкин, указывая на небольшой низенький домик:—„хотите зайти?“—„Извольте“.—„Она теперь упрямдена“, заметил он, смеясь:—„а всё посмотреть стоит“.—Контора состояла из двух пустых комнат. Сторож, крышой старик, прибежал с вадрыль.—„Здрав-